«У меня всё хорошо»

КОСНИСЬ ОДНАЖДЫ

18+

АЛИСА СЕРЕБРОВА

Алиса Сереброва
Коснись Однажды

https://litres.ru/74534367
SelfPub; 2026

Аннотация

«У меня всё хорошо.»

Алина повторяет это каждое утро, открывая глаза в маленькой квартирке на окраине. Она привыкла быть невидимой — серая мышь с некрашеными белыми волосами, студентка журфака, которая сидит на последней парте и рисует фиолетовые цветы на полях тетради.

Но однажды один взгляд изменил всё.

Алина обнаружила у себя способность подчинять чужую волю одним взглядом. Дар или проклятие? Ответ кроется в той самой ночи, когда она заключила сделку.

От этой сделки есть только один выход: смерть.

Единственный, кто знает правду — пришёл, чтобы убить её.

Всё решается одной ночью. Одним прикосновением. Одним выбором.

«Коснись однажды — будет твой. Коснёшься дважды — будет мой.»

Вы готовы заплатить цену за то, что хотите?

Содержание

Глава 1. Обычная жизнь 5
Глава 2. Желтое платье 9
Глава 3. Коснись однажды 17
Глава 4. Первая любовь 23
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Алиса Сереброва
Коснись Однажды

Коснись однажды

Алиса Сереброва

Глава 1. Обычная жизнь

У меня всё хорошо.

Это первое, что я говорю себе каждое утро. Открываю глаза в своей маленькой квартирке на окраине — и сразу: «У меня всё хорошо». Потолок надо мной в разводах. Соседи сверху вечно заливают, а у меня вечно нет времени вызвать мастера. И всё равно — хорошо.

За окном шумит проспект. Сквозь этот шум пробивается дребезжание трамвая где-то вдалеке. Я уже привыкла к этому звуку. Он стал частью моей жизни.

Днём я студентка третьего курса. Факультет журналистики. Бесконечные дедлайны, вечно невыспавшиеся глаза одногруппников и вечные споры о том, что такое настоящая правда. Я сижу на лекциях, делаю вид, что слушаю, а сама рисую на полях тетради цветы. Странные цветы, каких не бывает — с фиолетовыми лепестками. Я не знаю, зачем я их рисую. Они появляются сами собой. Будто кто-то водит моей рукой. Иногда смотрю на них и чувствую, как внутри поднимается что-то липкое, тёмное. Тогда я зачёркиваю их. Закрашиваю чёрной ручкой. Переворачиваю страницу.

Вечером я официантка в кафе с дурацким названием «Уголок». Смены длинные, чаевые средние. Кто-то оставляет деньги, кто-то — номер телефона на салфетке. Я собираю эти салфетки в коробку из-под обуви. Там уже штук два-

дцать. Наверное, надо выбросить. Но я не выбрасываю. Не знаю зачем.

В институте я стараюсь быть незаметной. Серый свитер, джинсы, волосы собраны в хвост. Сажусь всегда с краю, на последней парте. Записываю лекции, не поднимаю руку, не лезу в дискуссии. Преподаватели знают меня как «ту тихую девушку с белыми волосами». Иногда это даже удобно — меня не трогают, не вызывают, не спрашивают. Я тень среди шумных однокурсников.

Но сегодня я снова не смогла сдержать себя.

Лекцию по истории массовых коммуникаций вёл профессор Семёнов. Пожилой мужчина, густые седые брови, привычка вызывать «случайных» студентов — чтобы никто не расслаблялся. Я сидела на своём обычном месте у стены и рисовала очередной фиолетовый цветок, закрашивая лепестки жирными штрихами. И вдруг почувствовала на себе взгляд. Тяжёлый, пристальный. Почти осязаемый.

Я подняла глаза.

Профессор смотрел прямо на меня. Не на кого-то из задних рядов — на меня. Глаза сощурились, губы сжались. Он явно заметил мою отрешённость.

— Алина? — сказал он, чуть приподняв бровь. — Не хотите ли встать и ответить на вопрос? Что вы можете сказать о роли «жёлтой прессы» в формировании общественного мнения в конце XIX века?

Я замерла. Вопрос был простой. Я знала ответ. Но мне не

хотелось отвечать. Не хотелось вставать. Не хотелось, чтобы на меня смотрели.

Сердце кольнуло. Могло бы быть иначе. Я могла бы просто ответить.

Но я не ответила. Я просто посмотрела на профессора. Прямо в глаза. Ничего особенного я не делала. Просто смотрела. И что-то в его лице изменилось. Брови дрогнули, зрачки расширились, челюсть расслабилась. Потом он моргнул — и как-то растерянно опустил взгляд. Будто только что проснулся.

— Хорошо, Алина, можешь не отвечать, — сказал он тихо. Даже немного виновато. И продолжил лекцию, будто ничего не произошло. Только голос стал чуть тише, чуть неувереннее.

Аудитория недовольно загудела. Кто-то сзади зашептался, кто-то хмыкнул. Девчонка с первого ряда обернулась и посмотрела на меня с любопытством. Я опустила глаза.

Профессор Семёнов не выдержал шепота. Поднял голову.

— Мы можем написать реферат по этой теме, — сказал он ледяным тоном, обводя взглядом притихшую аудиторию, — если вы так хотите.

В аудитории тут же стало тихо. Ещё бы — реферат у этого профессора означал неделю ада в библиотеке.

Я ухмыльнулась про себя. Но тут же осознала: я снова поддалась. Мне всё сложнее контролировать свои мысли. Этот жар, который поднимается изнутри, когда я смотрю на ко-

го-то. Это напряжение, которое разряжается чужим подчинением. Мне вдруг стало жарко.

Лекция закончилась. Я вышла в коридор, села на подоконник у окна. Открыла дневник. Надо записать всё. Всё, что я помню.

Я обычная девушка. Живу в обычном городе. Учусь в обычном институте. Со стороны — самая обычная жизнь.

Но однажды я заглянула в глаза тьмы. И тогда всё началось.

Сегодня я загляну в них снова. Чтобы сжечь самое сердце этого зла. Или сгореть самой.

Я расскажу обо всём по порядку. С того самого лета, когда мне было восемнадцать. Лета, которое навсегда разделило мою жизнь на «до» и «после». На жизнь до прикосновения — и после.

И с тех пор каждое касание — приговор.

Я редко туда возвращаюсь. Даже в мыслях. Но сегодня вспомнила. Наверное, потому что фиолетовый свет снова пульсирует где-то на границе сна и яви. Наверное, потому что потом рассказывать будет нечего… Или некому.

Скоро за мной приедут. А пока у меня ещё есть время, чтобы записать свою историю.

Конец первой главы.

Глава 2. Желтое платье

Глава 2. Желтое платье

Несколько лет назад. Мне восемнадцать.

Вспоминаю то лето. Оно пахло земляникой, речной водой и нагретой на солнце хвоей. Я гостила у бабушки с дедушкой в деревне. Дом старый, с резными наличниками и скрипучим крыльцом, где каждая доска знала меня с детства. По утрам дед уходил на рыбалку, бабушка топила печь и ворчала — мол, я сплю до обеда. А я просыпалась под запах блинов и топлёного молока, натягивала шорты и бежала на речку. Пока бабушка не успела придумать новое поручение.

Дни тянулись медленно. Мы купались до посинения — местные и приезжие, все собирались на пляже у старой сосны, корни которой уходили прямо в воду. Девчонки сохли на полотенцах, мазались солнцезащитным кремом, листали глянцевые журналы — те передавали из рук в руки, пока они не превращались в мятые комки. Парни брызгались и ныряли с обрыва. Кричали, кто дальше и кто громче. А я лежала на тёплом песке и делала вид, что читаю. Сама краем глаза следила за ним. За Антоном.

Но лето — это не только речка и взгляды украдкой. Это ещё и долгие, томные вечера, когда солнце садится за горизонт, а воздух всё ещё хранит дневное тепло.

Мы с девчонками любили гулять по посёлку. Ленка — моя

верная подруга по деревенским каникулам — всегда была заводилой. Короткие русые волосы вечно торчат в разные стороны, веснушки на носу, смех громкий — на всю улицу. Она жила здесь круглый год: большой дом, родители и младший брат. Отец работал на ферме, мать — в сельском магазине. Ленка знала всех и вся. Могла рассказать, у кого корова отелилась, кто к кому ходит тайком, а кто в каком переулке целуется. Она была из тех девчонок, с которыми не соскучишься: могла предложить украсть яблок у соседки (и мы крали, а потом хохотали до упаду), а могла и заступиться, если кто из местных парней позволял себе лишнее.

— Алин, ты опять на него смотришь? — толкала она меня локтем, растягиваясь на полотенце. — Да забей ты на Антона. Он на всех одинаково смотрит — как на мебель.

— Я не смотрю, — врала я, отворачиваясь.

— Врёшь и не краснеешь, — усмехалась Ленка. — Ладно, ты вечером в подвал идешь?

Подвал — это было наше тайное место. Старый заброшенный дом на краю деревни, который, по слухам, принадлежал когда-то купцу, а потом сгорел. Полуподвальное помещение уцелело: сырое, с низкими потолками, пахнет землёй и плесенью. Но для нас — идеальное убежище. Мы собирались там почти каждый вечер: я, Ленка, Маринка и несколько местных ребят.

Маринка — тихая, задумчивая, с длинными русыми косами и удивительно светлыми, почти прозрачными глазами.

Она приезжала на лето к бабушке, как и я, но жила на соседней улице. Маринка не была громкой, не лезла в центр внимания. Но когда она говорила, её слушали. Что-то в ней было такое… успокаивающее, что ли. Она любила книги, знала много странных историй и всегда носила с собой блокнот, куда записывала сны. «Сны — это ключи», — говорила она загадочно. Мы смеялись. Но я замечала: Ленка тоже иногда тайком заглядывает в тот блокнот.

Дискотеки в клубе — отдельная история. По выходным деревянное здание с выцветшей вывеской оживало. Музыка гремела так, что стёкла дрожали. Прожекторы красили лица в красный и синий. Пахло потом, дешёвым парфюмом и сладким дымом. Я танцевала до упаду, иногда подходила к Ленке, и мы кричали друг другу что-то в ухо — перекрывая басы.

— Смотри, он опять на тебя смотрит! — Ленка кивала в сторону диджейской будки.

— На кого попало смотрит, — отвечала я. Но внутри всё переворачивалось.

Антон за пультом. Чёрные волосы падают на глаза. Руки переключают регуляторы. Иногда он поднимал голову и обводил взглядом зал. И тогда мне казалось — на долю секунды, — что он смотрит на меня. Только на меня.

В ту ночь в клуб приехали ребята из соседних деревень. Кто-то привёз алкоголь в жестяных банках — модные тогда коктейли со сладким привкусом, их пили все, кто хотел ка-

заться взрослее. Я выпила пару банок за компанию. Голова приятно закружилась, стало легко и немного безрассудно. Мир стал мягче, границы размылись, сердце забилось где-то в горле.

И тут я впервые заметила её.

Она вбежала в клуб. Жёлтое платье. Короткое, лёгкое, почти прозрачное на просвет — летело за ней, как флаг. Рыжие волосы — яркие, огненные, настоящие. Таких волос я никогда не видела. Они горели в свете прожекторов, отбрасывали блики на плечи, на лицо, на танцпол. Она была красивая. Не такой красивой, как мы, местные скромные девчонки. Другой. Дерзкой, дикой красотой. В ней чувствовалось что-то неуправляемое, опасное. Притягательное.

Она ворвалась в толпу и сразу закружилась. Танцует, заигрывает взглядом с каждым парнем, кто попадается на пути. Ленка толкнула меня локтем:

— Видала? Рыжая бестия.

Я отвернулась. Напилась, дуреха — вот и понесло её. Подумаешь. Какое мне дело.

Но время шло. Коктейли делали своё дело. Во мне закипала какая-то отчаянная смелость. Я решила: пойду. Прямо сейчас. В диджейскую. Скажу ему что-нибудь. Просто так. Познакомлюсь. Хватит прятаться по углам, ждать, смотреть, страдать. Сегодня я скажу ему всё.

Я пробиралась сквозь танцующих — сердце колотилось. Коридор за сценой был полутемным. Музыка здесь звучала

глуше, басы уходили в пол, превращаясь в ровную пульсацию. Дверь в диджейскую была приоткрыта. Из-под неё пробивался тусклый свет.

Протянула руку, чтобы постучать.

И замерла.

Оттуда кто-то сильно застонал. Стон — полный возбуждения, удовольствия, похоти. Я знала, что это такое — по фильмам, по книгам, по шёпоту подружек. Но в жизни я такого никогда не слышала. Этот звук пронзил меня насквозь. Пригвоздил к месту.

Мне надо было уйти. Развернуться и убежать. Забыть. Не знать. Не видеть.

Вместо этого я толкнула дверь. Чуть-чуть. Самую малость.

На полу, у стены, валялось жёлтое платье. Аккуратно сброшенное — будто его владелица никуда не торопилась.

А дальше… Дальше я смотрела, не в силах отвести взгляд. Хотя каждая клетка кричала: не смотри, не смей, беги. Но я не могла. Будто приросла к этому месту.

Антон сидел на стуле. Голова запрокинута, глаза закрыты, губы прикушены — он кусал их от удовольствия так, что они наливались кровью. А на нём, верхом, извиваясь, приподнимаясь и медленно опускаясь, сидела она. Рыжая. В одном белье. Её тело двигалось в каком-то своём ритме — плавном и диком одновременно.

Они застонали в унисон.

Руки Антона обняли её за спину и талию с такой силой, что на секунду я подумала: сломает. Вот сейчас возьмёт и сломает её пополам. И я была бы рада такому финалу.

Голова девушки опрокинулась назад. Мокрые рыжие волосы скользнули по лопаткам. Она открыла глаза — и посмотрела прямо на меня.

Не удивилась. Не испугалась. Не закричала.

Она мне улыбнулась. Медленно. Победоносно. Так, словно я была не свидетельницей, а зрительницей в первом ряду. И она играла этот спектакль специально для меня. В её улыбке было всё: торжество, презрение, насмешка.

Я не помню, как выбежала из клуба.

Не помню, как бежала по лесу. Ветки хлестали по лицу, ноги скользили по мокрой траве — но боли я не чувствовала.

Очнулась только когда ноги подкосились, и я рухнула на колени. Вокруг был лес. Тихий, темный, пахло прелой листвой и стоячей водой. Луна едва пробивалась сквозь густые кроны. Я подняла голову и увидела озеро. Маленькое, почти круглое — как глаз. Чёрная вода блестела в лунном свете.

Я плакала. Долго и горько — как не плакала никогда в жизни. Била ладонями по земле, пока не содрала кожу. Кричала, швыряла в воду камни — будто это они виноваты. Слёзы текли и текли, и я не могла их остановить. Пока они не кончились сами. Больше не было сил плакать, да и нечем. Глаза высохли.

Я подошла к озеру и наклонилась, чтобы умыться. В от-

ражении была не я. Там была растрёпанная, опухшая от слёз, разбитая девочка. По её лицу растеклась тушь и размазалась помада — на щеках, на подбородке, на шее.

Со злостью ударила ладонью по воде. Отражение распалось кругами, исчезло. Я снова заплакала — тихо, всхлипывая, прижимая руки к лицу.

Через минуту я смогла взять себя в руки. Зачерпнула ледяную воду, умылась. Тушь потекла черными ручьями, я вытерлась подолом футболки.

«Где это я?» — мысль пришла внезапно, когда внутри уже не осталось ничего, кроме пустоты.

Я огляделась. Лес, озеро, тишина. Ни огонька. Ни звука.

Вдруг в отражении воды я увидела фиолетовый цвет. Он пульсировал, переливался — словно кто-то зажёг под водой огромный светильник, как те фиолетовые лепестки, что я рисую в тетради. Я подняла взгляд.

На берегу, в десятке метров от меня, стояла избушка. Старая, покосившаяся, заросшая травой по самую крышу. Крыша провалилась, стены почернели, окна затянуто паутиной. В ней не горело света — наверное, уже лет сто.

Но из маленького окна струился фиолетовый свет.

Я смотрела на него, и мне вдруг стало всё равно. Пусть будет что будет. Хуже уже некуда. Поднялась на онемевшие ноги и пошла к этой избе. Трава была мокрой, холод пробирал до костей — но я шла.

Дверь открылась без скрипа. Словно ждала.

Конец второй главы.

Глава 3. Коснись однажды

Глава 3. Коснись однажды

Внутри пахло травами — сушеными и свежими. И ещё чем-то сладким, приторным. Голова закружилась сразу, как только я переступила порог.

На столе горели свечи. Фиолетовые. Много. Их свет заполнял комнату, делал воздух густым, почти осязаемым — словно его можно было потрогать рукой. В центре стола лежал сияющий фиолетовый круг, похожий на большую тарелку. А за столом сидела старуха в тёмном платке.

Она подняла на меня глаза. Обычные, бабушкины, добрые. И улыбнулась.

— Заходи, милая, — сказала она. Голос скрипел, как старые половицы под ногами. — Заходи. Я тебя заждалась.

Я вошла. И дверь за мной закрылась сама.

— Здравствуйте, у вас есть вода? Очень пить хочется, — прохрипела я.

Бабка молча зачерпнула деревянным ковшом воду из чёрной кастрюли — та стояла на краю стола. Протянула мне. Но, протянув, не отпустила сразу — задержала ковш в воздухе, вглядываясь мне в лицо.

— Это точно то, что ты хочешь больше всего? — спросила она ехидно, прищурившись.

В свете свечей её лицо выглядело жутковато. Тени пляса-

ли на морщинистой коже, проваливались в глазницы, делая взгляд глубже и темнее. Честно говоря, меня пробрало.

— Да, — я потянулась к ковшу. — Я хочу пить.

— А как же Антон? — чуть усмехнувшись, повысила голос бабка.

Я уставилась на неё, вытаращив глаза. Откуда она знает? С чего вообще?

— Откуда вам известно про Антона? — спросила я, и голос мой дрогнул.

Старуха усмехнулась, обнажив жёлтые, редкие зубы.

— Милая, я много чего знаю. Знаю, как ты смотришь на него. Знаю, как у тебя сердце бьётся, когда он рядом. И знаю, что сегодня ты видела такое, от чего у тебя всё внутри перевернулось. Больно, да? Очень больно?

Она попала в точку. Я опустила глаза, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу.

— Садись, — сказала старуха, кивнув на лавку у стены. — Не стой на пороге, как чужая.

Я медленно подошла и села. Дерево подо мной жалобно скрипнуло. Изба будто вздохнула.

— Расскажи мне про этого Антона, — продолжала ведьма, не сводя с меня глаз. — Ты его любишь?

Я молчала. Что я могла ответить? Что он снится мне каждую ночь? Да. Но признаться вслух — даже перед этой старухой — было стыдно. И глупо. Наверное.

— Люблю, — выдохнула я наконец. Слово вышло хрип-

лым, почти неслышным.

— А он тебя?

Я сжала кулаки.

— Он… он даже не замечает меня. Сегодня он был с другой. С рыжей. Я видела.

— Видела, — кивнула старуха. — И что ты почувствовала? Расскажи.

— Боль и злость, — слова вырывались сами собой. — Я хотела, чтобы она исчезла. Чтобы её не было. Чтобы он смотрел только на меня.

— Только на тебя, — эхом повторила ведьма, и в её голосе мне послышалась насмешка. — На что ты готова, чтобы он был твоим?

Вопрос повис в воздухе. Я не знала, что ответить.

— На все, — растерянно пробормотала я.

Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди. — Вон там, на столе, тарелка. Достаточно положить на неё руки — и Антон забудет о рыжей. Навсегда. Он будет видеть только тебя. Думать только о тебе. Хотеть только тебя.

Я посмотрела на фиолетовый круг. Свет пульсировал, притягивал, манил.

— Нужно только согласиться, — она наклонилась вперёд, и голос её стал тише, но от этого только пронзительнее.

Я сидела и смотрела на тарелку. В голове билась одна мысль: «Он будет моим. Наконец-то будет моим».

В голове крутились рыжие волосы той девушки, её улыбка

в дверях. Стон Антона. Его руки, обнимающие чужое тело. Больно было. Очень.

Я обернулась. Дверь была приоткрыта — в щель сочился лунный свет. Наверное, я могла встать и уйти. И забыть эту ночь как страшный сон.

Но я не могла забыть Антона. Его лицо. Его руки. Его глаза, которые никогда не смотрели на меня по-настоящему. И вот тут я, кажется, приняла решение.

— Я согласна, — сказала я твёрже, чем чувствовала.

— Тогда иди к столу. Положи руки на тарелку.

Я поднялась. Ноги дрожали. Сделала шаг, второй. Старуха не сводила с меня глаз.

Я подошла к столу. Фиолетовый свет бил в лицо, слепил. Тарелка казалась живой — пульсировала, дышала.

— Положи руки, — велела ведьма.

Я медленно опустила ладони на холодную глину. И тут же поняла — я не могу их оторвать. Словно сотни невидимых нитей пришили мои пальцы к этой посудине.

— Что… что происходит? — испугалась я.

— Молчи, — приказала старуха.

Она встала, обошла стол, встала позади меня. Её руки легли мне на плечи — ледяные, костлявые, они сжимали, не пускали. Дышать стало тяжелее.

— Смотри на свет, — прошептала она мне в ухо. — Не отводи глаз.

Я смотрела. Фиолетовое сияние пульсировало в такт мо-

ему сердцу. Всё быстрее. Быстрее. Мир начал плыть.

— Закрой глаза, — скомандовала старуха.

Я закрыла.

И тут же увидела Антона. Он стоял передо мной, улыбался, протягивал руку. Я шагнула к нему — но он исчез. Вместо него — рыжая. Она смеялась. Её смех звенел в ушах, как разбитое стекло.

— Открой глаза, — услышала я сквозь вату в голове.

Я открыла. Старуха стояла напротив, положив свои руки на мои. Её пальцы — холодные, как лёд.

— Теперь слушай, — сказала она и подняла голову вверх. Глаза закатились — видны только белки. Губы зашевелились, издавая звуки, похожие на змеиное шипение. Я не понимала слов. Только ритм, только вибрацию. Что-то древнее, тяжёлое, нечеловеческое.

Она опустила голову и посмотрела на меня. Белки, два мутных шара.

— Коснись однажды — будет твой, — прокричала она мне в лицо. — Коснёшься дважды — будет мой!

Комната взорвалась фиолетовым светом. Он заполнил каждую щель, каждый угол — вытеснил воздух, вытеснил реальность. Свечи одна за другой взмыли в воздух, покружились в бешеном хороводе и погасли разом. Стало темно, но всё равно светло — этот свет шёл отовсюду, изнутри.

Я почувствовала, как мы проваливаемся под землю. Словно в огромную воронку. Меня скрутило, смяло, разорвало

на тысячу кусков — а потом собрало заново.

Наступила темнота.

Абсолютная. Беспросветная. Гулкая.

А потом в этой темноте я услышала голоса. И поняла, что первый поцелуй с Антоном станет моим последним. Если я не сбегу от себя.

Конец третей главы.

Глава 4. Первая любовь

— ...а этот, из Красной Поляны, вообще на тракторе приехал! Представляешь? — голос Ленки врезался в уши — ну прямо как гудок комара.

Я моргнула.

Сижу на крыльце клуба. Доски подо мной тёплые — солнце уже село, а дерево всё ещё хранит летнее тепло, отдаёт его сквозь тонкую ткань шорт. Рядом Ленка и Маринка болтают ногами, хихикают. В руке — пустая жестянка из-под коктейля. Сладкий приторный привкус во рту, язык ватный, нёбо будто сахарной ватой облепило. Голова гудит. Не от алкоголя — от того, что случилось. Или не случилось? Грань между явью и сном стёрлась.

— Алина, ты чего замолчала? — Ленка толкнула меня в плечо. — Спишь, что ли?

Я перевела взгляд. Живая. Настоящая. Смотрела на неё и не могла поверить, что минуту назад сидела в избушке с ведьмой. Или не сидела? В голове всё смешалось в один большой ком.

— Воды хочу, — сказала я хрипло. Голос грубый, будто я не пила несколько дней. Горло словно наждачкой ободрали. — Слишком много выпила.

— Так сходи умойся, — Маринка махнула рукой в сторону двери.

Я поднялась. Ноги слегка подкашивались — то ли от долгого сидения на жёстких досках, то ли от того, что мир вокруг казался слишком ярким, слишком настоящим. Цвета насыщеннее, звуки громче. Сделала шаг — и тут же мир качнулся. Нет, не от опьянения. От того, что я увидела свои руки.

Они словно переливались фиолетовым свечением. Тонкие нити света пульсировали под кожей, гасли и загорались снова. Как вены, наполненные не кровью, а чем-то иным. Как те свечи в избушке. Как тот свет в озере. Я поднесла ладони к лицу — свечение не исчезло. Оно было насто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.